

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведческих исследований

Том XXIV • 2021 • № 2

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 90-летию со дня рождения
Бронислава Ивановича Кузнецова (1931–1985)

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук*
(Россия)
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН*
(Россия)
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук,*
профессор (Россия)
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Выпускающий редактор номера — кандидат филологических наук Б. М. Нармаев (Санкт-Петербург)

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова

Технический редактор — Г. В. Тихомирова

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2

e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 11.05.2021

Формат 60×90 1/8. Объем 13,75 печ. л. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. e-mail: editor@isvov.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/j5z5-9x29

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2021
© Коллектив авторов, 2021

В НОМЕРЕ:

Б. М. Нармаев. Б. И. Кузнецов — основоположник отечественной послевоенной тибетологии . . .	5
Е. Б. Кузнецова. О нашей семье: «Атмосфера, благоприятствующая занятиям наукой»	10
С.-Х. Д. Сыртыпова. О творческом наследии Б. И. Кузнецова (1931–1985) или поиски иранского следа в тибето-монгольском буддизме.	15

УЧЕНИКИ ОБ УЧИТЕЛЕ

М. В. Монгуш. Учитель, открывший мне Шамбалу (Воспоминания об одной лекции Б. И. Кузнецова)	26
А. А. Терентьев. Немного о Брониславе Ивановиче Кузнецове.	29
А. С. Донгак. Человек и Наставник	31

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е. Д. Огнева. Танка как текст: опыт чтения сюжета «Восемь ступ»	33
К. В. Орлова. «Буддизм захватывает сердца, зажигает души...»	42
Т. Д. Скрынникова. Семантика топонима Ярлунг	45
Д. Стронах. Пасаргады, пуп земли. <i>Перевод с английского Б. М. Нармаева.</i>	48
В. Л. Успенский. О несостоявшейся миссии в Тибет Агвана Доржиева в 1928 году	52

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Б. Л. Митруев. Ойратский текст «Tusa bütēqsen xan köbüün tuuji»	58
Р. П. Сумба. Учебная литература по философии на тибетском языке из фондов Национального музея им. Алдан Маадыр Республики Тыва	71
А. А. Туранская. Фотокопии древнеуйгурских материалов в коллекции ИВР РАН	75

АРХИВЫ ВОСТОКОВЕДОВ

С. Ю. Беленький, М. И. Тубянский. К вопросу об изучении тибетской медицины. Предисловие, подготовка переиздания, комментарии, приложение <i>Т. В. Ермаковой</i> и <i>Е. П. Островской.</i> . . .	87
---	----

Е. Б. Кузнецова

О нашей семье

«Атмосфера, благоприятствующая занятиям наукой»

© Е. Б. Кузнецова, 2021
DOI 10.25882/atxe-kh23

Дочь известного тибетолога доцента Восточного факультета Ленинградского государственного университета Б. И. Кузнецова (1931–1985), Елизавета Брониславовна Кузнецова, делится воспоминаниями о своем отце, родительской семье. Среди затрагиваемых тем — образ жизни семьи доцента университета в послевоенном Ленинграде, методы воспитания в семье, отношения с коллегами и студентами, личное мужество и отношение к религии. Ряд семейных фотографий публикуются впервые.

Ключевые слова: Б. И. Кузнецов, Ленинградский государственный университет, Восточный факультет, тибетская филология.

Кузнецова Елизавета Брониславовна — хранитель музейных предметов; Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства (Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2, лит А).
elizavet2007@rambler.ru

Я родилась в семье ленинградских ученых: папа, Кузнецов Бронислав Иванович, тибетолог-филолог, преподавал в университете. Мама, Лебедева Ирина Николаевна, имела философское образование и работала библиотекарем в Библиотеке Академии наук. Помню, мы жили в узкой 8-метровой комнате в коммунальной квартире на Васильевском острове, на Весельной улице, и это сразу определило этические и пространственные особенности жизнедеятельности нашей семьи.

Мои родители

Находясь «в тесноте, да не в обиде», мы были очень сплоченной семьей, вместе обсуждали важные

для семьи дела, вместе проводили досуг. Отдыхали родители по очереди — чтобы продлить мне, ребенку, лето: месяц с мамой, месяц с папой, потом, по возможности, вместе. Но когда мне исполнилось 7 лет, возникла необходимость расширить жизненное пространство, и папа, посоветовавшись с мамой, принял решение уехать в Новосибирск работать в университете, в академгородке, куда его пригласили, пообещав сразу квартиру, приличную зарплату, нормальные условия жизни. Предполагалось, что в Новосибирске папа будет заниматься и преподаванием, и чисто научной работой: переводом рукописей, написанием научных статей, работой над монографиями, изданием книг. Мне кажется, что шла речь не только о тибетском языке, но и о китайском.

В нашей квартире на Весельной улице не было ни горячей воды, ни ванной, ни душа, и, конечно, мой папа, который еще в детстве стал инвалидом во время блокады в 1942 г., испытывал большие трудности. Я была ребенком, но понимала, что нам тяжело в таких условиях жить, мне сложно будет учиться, а родителям — заниматься наукой... Комната была узкая и темная. Главными нашими предметами в комнате были папин рабочий письменный стол, его радиоприёмник «Беларусь 57» и мамина швейная машинка Veritas, которая служила и обеденным столом, и орудием ремесла, — мама окончила курсы кройки и шитья и все могла скроить, сшить, пере-

шить, но не было места, чтобы пройти свободно по этой комнате.

Дочь Бронислава Ивановича, Е. Б. Кузнецова, в музей-квартире В. В. Самойлова (филиале Театрального музея)

Мне в тот момент было семь лет, значит, был 1964 г., когда мои родители решили, что папа уходит из университета, мама увольняется из библиотеки, уже шла речь о том, что будем выписываться из квартиры, папа уже передал данные для проживания в Новосибирске, и мама решила пойти попрощаться со своим научным руководителем Ниной Викторовной Пигулевской, которая была для неё и духовным наставником, и другом. Мама почитала ее как выдающегося ученого, получала от нее и личную, и профессиональную поддержку. Нина Викторовна была поражена известием о переезде. На её вопрос: «Ирочка, как же так? У вас такие перспективы, Бронислав Иванович такой будущий специалист! Нельзя вам уезжать из Ленинграда» — мама ответила: «У нас нет другой возможности, жить в таких условиях невозможно». Нина Викторовна спросила: «А кооператив вы сможете построить?» Мама ответила отрицательно. Тогда Нина Викторовна предложила: «Я дам вам деньги на кооператив. Купите квартиру и останетесь в Ленинграде». Мама сказала, что это нереально, что она к этому не готова, учитывая, что такой долг нереально отдать быстро. Нина Викторовна повторила: «Так вот деньги, ищите кооператив и дайте мне слово, что вы останетесь в Ленинграде. А долг будете отдавать постепенно, как сможете».

Родители приняли это предложение, деньги были внесены в кооператив Института метрологии, и 30 ноября 1966 г. мы торжественно въехали в трехкомнатную квартиру на проспекте Космонавтов. Папа назвал этот день «днем освобождения». Конечно, в новой квартире наша жизнь изменилось, потому что у папы появился свой кабинет, у меня — «творческая мастерская», у мамы — своя комната, была 5-метровая кухня, на которой мы собирались втроем, и мама частенько ворчала, что мы теснились на ее «территории», а папа шутил, что мы все остались, как «дети подземелья». В дальнейшем они с мамой смогли защитить кандидатские диссертации и продолжили за-

ниматься научной и преподавательской деятельностью.

Вообще жизнь нашей семьи делилась на четыре части. Первая часть — деятельность папы, вторая — мамы, третья — мои личные интересы и четвертая — общие: мы постоянно собирались семейным кругом и рассказывали друг другу, кто чем занимается, кто что сделал, открыл; обсуждали разные проблемы. Беседы касались творческих моментов жизни каждого члена семьи. И это было для всех нас намного важнее, чем решение бытовых вопросов. Мы жили дружно и интересно.

Выступает доцент Восточного факультета ЛГУ
Б. И. Кузнецов

Папа родился в простой рабочей семье. Его мама, Куварзина Нина Ивановна, работала в больнице им. В. И. Ленина старшей хирургической медсестрой. Папа, Кузнецов Иван Николаевич, работал на Кировском заводе, играл в заводском оркестре на балалайке. Мой папа учился в хорошей школе с преподаванием французского языка, у него был замечательный преподаватель французского языка, и учителя всегда говорили бабушке, что у папы очень хороший слух, он прекрасно интонирует, а когда читает, не зная текста, возникает ощущение, будто он знает язык очень хорошо, он его чувствует, он его слышит. И преподаватель, когда папа оканчивал школу, сказал: «Бронислав, ты не думай ни о чем, ты прирожденный филолог и лингвист или историк языка. Я тебе советую поступать на французское отделение». Однажды я спросила папу: «Что побудило тебя изучать китайский язык, как ты пришел к этому, почему китайский?» Папа сказал, что преподаватель в школе убедил его поступать на французское отделение. И папа пошел сдавать документы. По дороге в университет он шел мимо Восточного факультета и там увидел объявление о наборе на такие-то специальности. Он увидел «китайский язык», и его как обухом по голове ударили. Он сказал себе: «Я хочу знать, что такое китайский язык, меня тянет к этому, меня заинтриговали иероглифы» — и подал документы на китайское отделение.

Заседание кафедры китайской филологии

В дальнейшем папа был доцентом ЛГУ, возглавлял отделение тибетской филологии Восточного факультета. Он активно занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью, а общение со студентами у него проходило не только в стенах университета: он приглашал ребят домой, они пили чай — мы присутствовали всей семьей и обсуждали какие-то и личные проблемы, и студенческие, учитывая, что большинство из них жили в общежитии. Из числа первых его студентов я помню Лену Огневу и Наташу Болсохоеву. В дальнейшем — Б. Нармаева, Г. Леонова, Т. Евдокимову, Е. Николаеву. Папа выделял их особо, считая достойными своими учениками, отмечая их открытость, заинтересованность, воспринимая их как близких людей.

Б.И.Кузнецов с учениками
на своем 50-летнем юбилее. 1981 г.

Мама, работая библиотекарем в академической библиотеке, вела научную работу и была признанным ученым в мировом научном сообществе. Будучи специалистом по греческой палеографии, она занималась переводами древнегреческих рукописей, атрибуцией книг, составлением каталогов, описанием коллекций. Позже ей пришлось несколько изменить свои профессиональные интересы, она занялась составлением каталогов библиотеки Михаила Ломоносова и Петра Первого в собрании БАН. Маму знали

в Голландии, Франции, Германии, Финляндии, Болгарии. Работая с коллегами из этих стран, она опубликовала в соавторстве с ними несколько каталогов и издала ряд книг.

Выступает декан Восточного факультета ЛГУ
академик, профессор М. Н. Боголюбов

На папу оказало влияние общение со старшими коллегами и профессиональными наставниками, среди которых были Борис Владимирович Семичов, Борис Иванович Панкратов, Лев Николаевич Гумилев, полагавшие, что настоящий педагог должен быть открыт сердцем. Это стало основополагающим принципом жизни для моего отца и мамы.

Нина Викторовна Пигулевская, у которой не было своих детей, говорила моей маме: «Мои студенты и ученики — мои дети». И дело не в том, были ли у них дети или нет, а в том, что такие отношения, как и другие традиции, мои родители успешно переняли от своих наставников и перенесли их в свою деятельность. Мамы и папы теперь уже нет, но до сих пор их ученики и молодые коллеги мне звонят, мы с ними переписываемся, общение сохранилось особенно благодаря социальным сетям. Папа был достаточно закрытый человек с нелегкой судьбой. Это иногда осложняло ему общение — дружеское, наставническое и отеческое, тем не менее он очень располагал к себе людей, показывая, что только в открытом состоянии души и сердца можно передать что-то очень глубокое, ценное, важное, что не лежит на поверхности любой гуманитарной профессии.

Большое влияние оказало на папу и всю нашу семью знакомство со Львом Николаевичем Гумилевым. Их познакомил их общий друг, крестный сын Льва Николаевича и крестный отец моего папы — Гелиан Михайлович Прохоров, филолог-славист, который работал в Пушкинском доме (Институте русской литературы). Я тогда была подростком, школьницей, но хорошо помню подробности их общения, так как постоянно присутствовала при их встречах как у нас дома, так и у Л. Н. Гумилева.

Лев Николаевич приглашал нас к себе домой, в коммунальную квартиру на Московском проспекте, и относился к моему отцу как к родственнику — с

большой симпатией, вниманием, дружеским, почти отеческим участием. Папа его обожал, он был для папы примером во всем. Особенно он восхищался тем, что Лев Николаевич, пройдя суровые испытания в лагерях, смог стать большим ученым. Иногда мне казалось, что мой папа хотел в чем-то походить на него.

Папа читал все его книги, всё слушал вживую, был одним из немногих первых людей, с которыми Гумилёв делился своими планами и совместными проектами. К сожалению, потом по каким-то профессиональным причинам они разошлись, поссорились, тем не менее взаимное уважение осталось, как и прекрасные воспоминания о семейных встречах.

Почему у них произошел конфликт? Этот момент очень сложный. Дело в том, что папа такой человек, в котором всегда боролись две особенности: абсолютное стремление к истине, честности, правде и — уважение к старшим, дипломатическое и уважительное отношение к людям, которые ему дороги. Поэтому, когда папа видел что-то, что ему профессионально казалось сомнительным, он мог деликатно это высказать и прокомментировать только в личной беседе. Один раз моя мама высказала Льву Николаевичу свое мнение о возможных неточностях его перевода с восточных языков, а папа ответил ей, что у него есть сомнения, что эти переводы сделал Лев Николаевич. Возможно, эти слова дошли до Льва Николаевича. Это и стало причиной конфликта.

Научная конференция, посвященная 50-летию Б. И. Кузнецова. Поздравляет декан Восточного факультета академик, профессор М. Н. Боголюбов

Наверное, в каждой семье есть свои особенности воспитания. С одной стороны, меня строго воспитывали, главным воспитателем был папа. Он был блокадным мальчиком, инвалидом, и бабушка ему сказала однажды (папа говорил, что это был первый и последний разговор у них о его инвалидности): «Если ты хочешь быть нормальным, счастливым, полноценным человеком, ты никогда себе не говори, что ты инвалид, что у тебя чего-то нет. Ты жив, у тебя есть слух, зрение, голос, всё, что положено природой, — всё у тебя есть. Никогда и нигде ты не должен говорить, что ты инвалид, и тебя не будут считать инвалидом все остальные».

Чем отличается поколение нынешних родителей от поколения моих родителей? Раньше у родителей была установка, что ребенок должен учиться, должен получить хорошее образование, какую-то специальность, должен сделать карьеру и получать хорошую зарплату, завести семью, детей и жить насыщенно и содержательно. Никаких тем о любви, развитии чувств, тонкости отношений, как сейчас принято, не было, об этом стеснялись говорить. Мои родители выбрали путь в науку, самое главное в их жизни было — учиться, им очень нравилось заниматься тем, что они выбрали, у них никогда не возникало желания заниматься чем-то другим.

К ужасу моей мамы, у нас в квартире мною были расписаны обои и раскрашены библиотечные книги, а папа постоянно покупал мне карандаши, краски, альбомы. Я просила папу: «Мне ничего не покупай — только краски, кисточки и бумагу». Когда я поступила в Первую городскую художественную школу, папа очень поддерживал меня, его радовали мои успехи. Маму больше волновали отметки и знания, и она была не очень довольна моим выбором. Но как папа и мама были увлечены своей деятельностью, так и я была увлечена своей. Параллельно стала петь в хоре. Позже в разговоре с родителями о моем будущем я твердо стояла на том, что буду заниматься только изобразительным искусством, хотя папа и мама считали, что у меня больше способностей в гуманитарных науках.

Празднование 50-летия Б. И. Кузнецова. Празднует заведующий кафедрой монгольской филологии профессор Л. К. Герасимович

Бронислав Иванович, несмотря на трудности, всегда очень много и успешно работал. Что им двигало? Первое — среда, в которой он рос. И бабушка, и родные, и друзья — все были чем-то серьезно заняты, увлечены своими делами, все чего-то достигали своим трудом. Второе — папины природные данные: прекрасная память, харизма, развитый музыкальный слух, тонкость душевного восприятия мира.

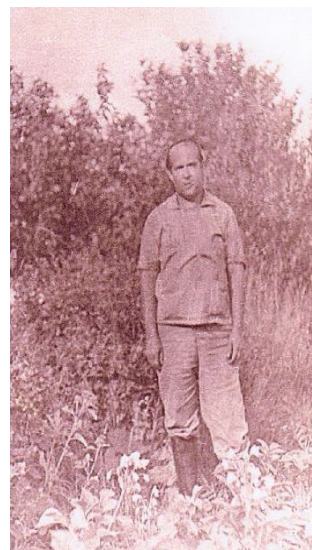
Папу ничего не заставляли делать. Свои решения он всегда принимал самостоятельно. Думаю, что форма воспитания, когда тебя не заставляют, — самая лучшая. Он сам выбирал путь, в котором видел сходные со своими идеалами и цели. Он видел людей, достигших в своем деле совершенства, и стремился

быть похожим на них. Была атмосфера, благоприятствующая занятиям наукой. Не было такого огромного города, не было обилия транспорта, не было таких скоростей, было пространство и время для мыслительной деятельности и практической ее реализации. Но главное, я бы сказала, — взаимоотношения с людьми старшего поколения, которые были для него образцом.

Родители крестили меня в 14 лет. Поскольку меня стала волновать эта тема, однажды я решила поговорить с папой о вере. В беседе с ним мы пришли к такому пониманию: на самом деле Бог один, но каждый народ, каждое время, каждая цивилизация, каждая нация формирует своё понимание и видение Бога. Папа уважал все конфессии, все религии. Его предки были из Вологодской области и из Южной России. Они были православными, и поэтому он тоже исповедовал православие, хотя никогда не ограничивал себя рамками одной конфессии. Многие из этих вопросов в семье мы не затрагивали, у каждого из нас было свое видение, и мы считали, что это личное дело каждого. Папа считал, что православие и буддизм очень близки в духовном понимании, осмыслении жизни, взаимоотношениях человека с Небом, Вселенной, Природой.

Мне видится, что к вере в Бога его привел опыт жизни, некий «диалог» с миром людей, животных и растений, а также чудеса, которые папа пережил и о которых рассказал нам. Бабушка вспоминала, что во время блокады у некоторых людей в результате стресса, страданий, всего пережитого в экстремальных ситуациях открывалось какое-то провидение, что-то такое, что не познается в простой ситуации. В отличие от бабушки, папа не очень любил рассказывать о блокаде Ленинграда. Мне он сказал только один раз: «Тяжелое ранение очень многое изменило во мне. Неизвестно, каким бы я был, если бы остался человеком здоровым». Об этом ранении бабушка сказала мне очень поздно. Когда она дежурила в больнице, ей привезли в операционную мальчика,

утратившего часть ноги при взрыве снаряда. Можно представить, что она пережила, увидев на операционном столе своего сына! Она молилась об одном: чтобы он выжил. В дальнейшем блокадный мальчик чувствовал к себе только уважение и заботу со стороны своих сверстников, он не утратил веру в добросердечие и чистоту человеческих взаимоотношений.

На отдыхе в Ярославской области, 1960-е гг.

Когда родился внук Бронислава Ивановича, Андрей, дедушки уже не было в живых. Но в нашей семье живут традиции моих родителей. Я рассказываю сыну об их жизни, о том, что меня до настоящего времени продолжает поражать и восхищать в моем отце. Не восхваляя и не превознося его, не ставя в пример, я лишь говорю о том, какой он был потрясающей личностью, как много дал он мне и всем людям, которые встретились ему на его жизненном пути.

Elizaveta B. Kuznetsova

About Our Family

Daughter of a famous Tibetologist, associate professor of the Faculty of Oriental Studies of Leningrad State University B. I. Kuznetsov (1931–1985), Elizaveta B. Kuznetsova, shares her memories of her father, parental family. Among of the topics covered — the lifestyle of the family of the professor of the University in the post-war Leningrad, methods of upbringing in the family, relationships with colleagues and students, about personal courage and attitude towards religion. A number of family photos are being published for the first time.

Key words: B. I. Kuznetsov, Leningrad State University, Faculty of Oriental Studies, Tibetan Philology.

Elizaveta B. Kuznetsova — curator of museum items; St. Petersburg State Museum of Theater and Music art (lit. A, 2, Architect Rossi St., St. Petersburg, 191023, Russia).
elizavet2007@rambler.ru